

РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА, НАЗНАЧЕНІЯ.

Ок. семин. Иванъ Кострицкій псалом. къ ц. с. Бутучень, Оргѣв. у., 6 Окт.

ПЕРЕМѢЩЕНІЯ.

Ц. с. Ревкоуць, Хотин. у., свящ. Феодоръ Гримальскій къ ц. с. Тарутино, Аккер. у., 3 Октября.

Изм. Соб. псал. Павелъ Обуховскій и ц. с. Татарбунаръ, Ак. у., псал. Александръ Кристи одинъ на мѣсто другого, 6 Окт.

Ц. с. Леки, Изм. у., псал. Димитрій Пеливанъ и ц. с. Зембренъ, Кишин. у., Александръ Лозановскій одинъ на мѣсто другого, 6 Окт.

Ок. псал. кл. Иванъ Яманди псал. къ ц. с. Турланъ, Акк. у., 9 Окт.

Ок. семин. Михаилъ Сараковичъ псаломщ. къ ц. с. Кишло-Неджимово, Хот. у., 9 Окт.

Ц. с. Тропокло, Изм. у., Владиміръ Цоколь къ Успенской ц. г. Килии, Изм. у., 9 Окт.

Успенск. ц. г. Килии, Изм. у., псал. Давидъ Пащенко къ ц. с. Тропокло, Изм. у., 9 Окт.

УВОЛЬНЕНІЯ.

Ц. с. Бутучень, Орг, у., Антоній Татаровичъ заштатъ, по старости, 6 Октября.

Епархіальныя извѣстія.

С п и с о к ъ

ПРАЗДНЫХЪ СВЯЩЕННИЧЕСКИХЪ МѢСТЪ.

Хотинскій уѣздъ.

с. Перковецъ	866	33	400
с. Баламутовка	640	34	400
с. Ревкоуцы	365	33	400

С П И С О К ъ

ПРАЗДНЫХЪ ПСАЛОМЩИЧЕСКИХЪ МѢСТЪ.

Наименованіе села и уѣзда.

Хотинскій уѣздъ.

Наименованіе села и уѣзда.	Колич. душъ. муж. пола.	Количество(зем. лн, дес. саж.)	Жалованья отъ кленъ
Г. Кишин. Ильинск. ц. 2 м.	650	—	800
Аккер. Соборъ 2 м.	933	—	950

Отъ Редакціи.

На стипендію имени д. ст. сов. А. М. Пархомовича, 7 сего октября, редакціей принято съ благодарностію пожертвованіе отъ свящ. церкви села Чера-Мурзы, 2 окр. Бендерскаго уѣзда, *Александра Константиновича Бобейко*,—10 рублей, что, съ поступившими до сего времени 1210 р (см. Киш. Еп. Вѣд. № 37. отд. оф., стран. 476 за тек. 1915 й г.), составляетъ *тысячу двѣсти двадцать (1220) рублей*. Подробности въ № 37 Киш. Еп. Вѣд., отд. оф., стр. 476.

1915-й годъ.

ОТДѢЛЪ НЕОФИЦІАЛЬНЫЙ.

Октября 11.

Больной вопросъ духовенства.

Такимъ вопросомъ справедливо считаютъ вопросъ о вознагражденіи духовенства за требоисправленіе.

По самой идеѣ служенія пастыря приходу его трудъ является несоизмѣримымъ никакою платой.

Спаситель нѣкогда сказалъ ученикамъ, что вдовица, пожертвовавшая въ церковную сокровищницу двѣ лепты, больше дала, чѣмъ дали всѣ богачи, жертвовавшіе отъ избытка.

Таково же по существу и вознагражденіе пастырю: дающій много отъ своего избытка за требоисправленіе пастырю вознаграждаетъ его матеріально гораздо щедрѣе того бѣдняка, который отъ чистаго сердца расплачивается съ причтомъ мѣдными пятаками; но цѣнность перваго приношенія умалется тѣмъ отношеніемъ, тѣмъ нравственнымъ кивкомъ въ сторону получающаго, который дѣлаетъ щедрое приношеніе для пастыря нравственно тяжелымъ подаяніемъ.

Съ другой стороры убогое приношеніе бѣдняка пастырю, по своему положенію болѣе состоятельному и при томъ даже получающему жаловонье отъ казны, ставитъ пастыря въ неловкое положеніе, которое завидующіе духовенству люди называютъ обираниемъ живого и мертваго.

Все это создаетъ у чуткого къ людскимъ пересудамъ духовенства настроеніе, которое, будучи особенно ярко переживаемо молодыми священниками, самый пастырскій подвигъ отравляетъ «міазмами уличнаго и рыночнаго міровоззрѣнія».

Какъ же быть пастырямъ, желающимъ оставаться чистыми нравственно, какъ голуби, и мудрыми, какъ зміи?

Неужели ли выходъ изъ этого положенія только одинъ, т. е. казенное жалованье?

Такъ именно многимъ пастырямъ и мечтается; но эти мечты не чужды суетнаго помышленія о томъ, чтобы избѣжать нравственныхъ обязательствъ, какими сопровождается требоисправление.

Мы не будемъ говорить о томъ, что плата за труды, т. е. питаніе отъ алтаря—это апостольское установленіе.

Мы остановимся вниманіемъ на той мысли, что таинства не продаются, и посмотримъ, допустимо ли съ этой точки зрѣнія вознагражденіе за требоисправление.

Вѣдь требоисправление есть подвигъ не только духовенства, а прежде всего подвигъ христіанина, призывающаго духовенство къ требоисправленію.

Въ чемъ же состоитъ этотъ подвигъ? Въ томъ, что почувствовавшій нужду въ душевной помощи пастыря, готовъ вознаградить его духовное дѣло отъ своихъ щедротъ. Давая алтарю, онъ даетъ самому Богу. Вѣдь служеніе же пастырей, по идеѣ, есть служеніе Богу; и хотя пастыри, какъ люди, нуждаются и въ новой рясѣ, и въ приличной обуви, и даже въ своемъ выѣздѣ, какъ для личныхъ надобностей, такъ и по дѣламъ прихода,—т. е. въ той внѣшней обстановкѣ, которая многимъ колетъ глаза,—но вѣдь они все это получаютъ не ради личнаго благополучія, а какъ служители дѣла Божія, и всѣ ихъ заботы и вся жизнь такъ складываются, чтобы доброхотные даятели, улучшая матеріальное благополучіе пастырей, помогали этимъ самымъ ихъ пастырямъ вставать выше въ дѣлахъ церкви и общества, быть болѣе полезными и для нихъ самихъ и для другихъ, на кого прострется ихъ вниманіе и забота. Когда апостоль Петръ сказалъ Ананію и Сапфирѣ: «имѣніе, которое было у васъ, не ваше ли оно; зачѣмъ вы скрыли его? не человѣкамъ солгали, но Богу»,—то онъ ясно подчеркнулъ, что дающій алтарю отъ своихъ щедротъ и скрывающій возможность дать больше лжетъ не человѣку, но самому Богу. Вотъ въ какомъ положеніи стоятъ пастыри предъ пасомыми.

Не пастыри должны стыдиться нищенскаго подаянія, а тѣ, которые не доросли до мысли, что плата за требоисправление не есть плата, а есть даръ служителю Божію. И какъ бы ни

ничтожна она была, по состоянію дающаго, она великое нравственное обязательство для обѣихъ сторонъ.

Тѣ, кто осуждаетъ духовенство за это, привыкли смотрѣть на духовенство, какъ, извиняюсь за выраженіе, на дармоѣдовъ,— и отсюда идетъ взаимное терзаніе. Духовенство терзается, потому что оно несетъ высокій нравственный подвигъ, а на его подвигъ смотрятъ, какъ на вымогательство, дармоѣдство, обирание живого и мертваго. Платящіе за требоисправленіе смотрятъ на духовенство, получающее жалованье, какъ на жадничающее, и всѣми силами изыскиваютъ способы возможно меньше дать или даже совсѣмъ обойтись безъ платы, подобно тому какъ, напр., тѣ, которые получаютъ бесплатную медицинскую помощь отъ земства... и нравственно терзаются, что приходится имѣть дѣло съ такимъ духовенствомъ, которое не хочетъ бесплатно совершать требы.

Итакъ, ложь во взаимныхъ отношеніяхъ духовенства и народа идетъ отъ потери сознанія членами прихода, что въ ихъ личномъ отношеніи къ духовенству, прозаически-матеріальномъ, кроется и нравственно-духовное отношеніе къ нему, какъ находящемуся у престола Божія, живущему для спасенія себя и другихъ отъ глубокаго нравственнаго зла, состоящаго въ томъ, что жизнь складывается не во имя Божіе, а во имя мамоны.

Послѣ этихъ краткихъ замѣчаній нашихъ, считаемъ долгомъ подкрѣпить свои мысли однимъ замѣчательнымъ примѣромъ, который описанъ въ статьѣ «Больной вопросъ», обошедшей уже нѣсколько Епархіальныхъ Вѣдомостей разныхъ губерній.

Мы особенно останавливаемся на этой статьѣ, потому что лицо, сообщившее этотъ замѣчательный примѣръ безденежной практики духовенства среди интеллигентной публики западно-европейскаго прихода—товарищъ нашъ по Петроградской духовной академіи, настроенія, чувства и думы котораго являются намъ близко знакомыми и понятными. Почти цѣликомъ перепечатавая эту статью, мы хотѣли бы сдѣлать одно добавленіе, именно, что подобный же примѣръ намъ извѣстенъ и изъ сельской практики одного идеалиста священника, который вынужденъ былъ потомъ выяснять прихожанамъ ихъ ложную точку зрѣнія на служеніе пастыря.

Прихожанинъ приглашаетъ священника освятить домъ, тра-

тится на угощеніе, только забываетъ объ одномъ—вознаградить причтъ за его трудъ для причта у него «денегъ не хватило»; а для всего прочаго у него денегъ было достаточно, все было предусмотрено, только для батюшки, какъ оказалось, и не хватило.

Примѣръ, о которомъ мы говорили, беремъ изъ № 37—38 Ярославс. Еп. Вѣд. 1915 годъ, изъ статьи: «Больной вопросъ».

Священникъ А. Введенскій передаетъ свой разговоръ съ бывшимъ псаломщикомъ заграничныхъ церквей.

Вотъ что говоритъ священникъ.

«Собесѣдникъ мой Евфимъ Созонтовичъ Швидченко. Онъ—бывшій псаломщикъ заграничныхъ церквей Женевы и Аѳинъ. У насъ въ Россіи онъ извѣстенъ, какъ авторъ великолѣпной и единственной въ своемъ родѣ «Святочной христоматіи для школы и семьи» и затѣмъ преинтересной повѣсти изъ жизни заграничнаго духовенства: «Какъ онъ пошелъ въ народъ», изданной въ 1915 г. подъ псевдонимомъ: «Софія благодущная».

Въ бесѣдѣ со мною Швидченко рассказалъ мнѣ одну любопытную страничку изъ исторіи своей жизни за границей, въ которой доминирующую роль играетъ нашъ злополучный вопросъ.

Помню я, говорилъ онъ, пріѣхалъ къ намъ новый настоятель. И чуть ли не при первой встѣчѣ между нами завязался «дѣловой» разговоръ.

— Какъ у васъ тутъ раньше велось дѣло: за поминаніе на проскомидіи бралось что-нибудь?

— Да, отвѣчаю я. Покойный настоятель бралъ то, что кто давалъ, и потомъ дѣлился со мною на общихъ основаніяхъ.

— А за запивку при причастіи бралось?

— Да, бралось на тѣхъ же основаніяхъ.

— А за исповѣдь?

— Тоже.

— И за записки исповѣдниковъ?

— Тоже.

— Ну вотъ, видите ли!.. произнесъ многозначительно настоятель. А что если мы съ этого времени перестанемъ принимать за все это, а? Знаете, я у себя тамъ не бралъ, завелъ такой порядокъ издавна. Мнѣ не хотѣлось бы отступать отъ него и здѣсь. Что вы на это скажете?

И онъ посмотрѣлъ на меня ласково и пристально.

У меня сейчас моментально пронеслась въ сознаниі былая картина, когда я только что поступилъ въ псаломщики послѣ Петроградской канцеляріи. Мнѣ тогда показалось очень неловкимъ принимать доброхотныя подаванія и я поговорилъ было отказатьсь отъ нихъ. Но покойный настоятель, ласково посмотрѣвъ на меня и похваливъ за ревность, сказалъ:

— Конечно, я не буду принуждать васъ принимать все это. Это дѣло нашей совѣсти. Но все-таки скажу вамъ слѣдующее. Допустимъ, что вы, молодой и одинокій, по разнымъ, быть можетъ, самымъ идеальнымъ побужденіямъ откажетесь отъ всего этого, а я, въ виду моего семейнаго положенія (у него было 3 дочери и 2 сына на возрастѣ), не могу этого сдѣлать и останусь при прежнемъ порядкѣ. Что-жъ тогда получится? Не скажутъ ли тогда прихожане: «вотъ псаломщикъ—передовой чело-вѣкъ и идеалистъ, ничего не беретъ, не то, что его настоятель»... Въ какое положеніе поставите вы тогда меня?.. Но возьмемъ другой случай. Допустимъ, что я убѣдился вашими доводами и тоже сталъ бы отказываться отъ добровольныхъ приношеній. Но мы сегодня живы, а завтра можемъ умереть,—всѣ мы подъ Богомъ ходимъ. И вотъ на наши мѣста назначаютъ новыхъ членовъ причта, изъ которыхъ и священникъ и псаломщикъ будутъ женаты и обременены еще большими семействами, чѣмъ я,—что у насъ въ нашемъ сословіи не рѣдкость. Что произойдетъ тогда? Не подведемъ ли мы своихъ коллегъ? «Не испортимъ» ли такимъ образомъ этихъ мѣстъ? Вѣдь народъ, разъ привыкнетъ ничего не давать, посмотритъ уже потомъ на тѣхъ, кто желалъ бы принимать приношенія, какъ на дѣлающихъ поборы. Очень легко отказатьсь, но очень трудно вновь восстановить прежній порядокъ. Очень легко испортить мѣсто, но очень трудно его исправить. Притомъ, не постыдно брать добровольныя приношенія, но постыдно требовать и назначать особую таксу. Кто можетъ или желаетъ дать 2 франка, пусть даетъ 2. Кто 50—пусть 50. Кто 20 сантимовъ, пусть даетъ 20 сантимовъ, кто ничего не хочетъ дать,—пусть ничего не даетъ: никто ему за это не сдѣлаетъ замѣчанія. Нѣкоторые думаютъ, что тутъ происходитъ торговля тайнствами. Ничего подобнаго! Это очень наивное мнѣніе, обнаруживающее полное незнакомство съ психологіею. *Такіе люди совѣсть не знаютъ, какъ сильно у*

истинновѣрующаго преданнаго церкви чловѣка желаніе хоть чѣмъ нибудь осязаемымъ выразить свое личное почтеніе или любовь къ пастырю за его труды и за все то участіе, которые онъ проявляетъ въ извѣстные моменты жизни вѣрующаго. Въ это надо вникнуть.

Разумѣется, я тогда отказался отъ своего намѣренія и съ тѣхъ поръ не отступалъ отъ общепринятаго обычая.

Этотъ разговоръ прежняго времени припомнился мнѣ, когда новый настоятель предложилъ такой вопросъ. Сердце мое горячо забилося. Я почувствовалъ, какъ кровь прилиwała къ головѣ. Что мнѣ оставалось дѣлать? Идеальность, красота этой системы вновь выдвинулись въ моемъ сознаніи на первый планъ и какъ-то совершенно затѣнили прежде созданныя практическія неудобныя отъ нея слѣдствія.

— Отчего не испытать ея на дѣлѣ?—мелькнуло въ моей головѣ. Тѣмъ болѣе, что представляется такой прекрасный случай, когда самъ настоятель предлагаетъ этотъ способъ. Вѣдь вотъ онъ уже практиковалъ это у себя. Значитъ, предлагаемая неудобства не сказались, если онъ и здѣсь предлагаетъ примѣнить эту систему.

Къ тому-же, удобно ли было мнѣ возражать настоятелю—начальнику? Можно ли было мнѣ не согласиться? А между тѣмъ само по себѣ предложеніе это чувствовалось, ощущалось душою, какъ идеально-хорошее. Поступая такъ, настоятель добровольно отказывался отъ значительной суммы денегъ и въ то же время создавалъ въ церкви какую-то возвышенную, идеальную атмосферу.

— Что-жъ, батюшка, съ удовольствіемъ!—сказалъ я взволнованно. Я самъ объ этомъ когда-то мечталъ.

— Вотъ и прекрасно! Чудесно! Спасибо—сказалъ настоятель со слезами на глазахъ. Итакъ, ни за проскомидію, ни за исповѣдь, ни за причастіе, ни за записи не будемъ брать?

... Не будемъ!-- торжественно отвѣтилъ я.

Ну, и слава Богу!--съ чувствомъ живого удовлетворенія и облегченія сказалъ настоятель.

Вскорѣ послѣ этого соглашенія среди русской колоніи съ быстротою молніи разнеслась молва, что «новый батюшка—безсребренникъ: денегъ не беретъ». Всѣ удивились. Пошли всякіе

пересуды и толки. Стали образовываться партіи, группируясь вокруг дамъ, наиболее уважаемыхъ или бойкихъ на языкъ. Главнымъ образомъ создались двѣ замѣтныхъ партіи: консерваторовъ и прогрессистовъ. Консерваторы сплотились вокругъ графини Фондеваль. Прогрессисты—у генеральши Петровой. Общія обсуждения всѣхъ новостей обычно велись на журфиксахъ. Такъ было и въ данномъ случаѣ. Въ первую же среду консерваторы собрались у графини, которая принимала по средамъ.

— Помилуйте, ораторствовала графиня, попивая чай съ густыми сливками.— На что это похоже? Я право смущена. Я ужъ и не знаю, какъ мнѣ теперь быть. Вообразите, я приглашаю батюшку къ себѣ или заказываю молебенъ въ церкви, утруждаю его, и вдругъ не могу поблагодарить его! Чѣмъ же иначе я вознагражу его? Теперь остается вовсе уклоняться отъ всякихъ частныхъ службъ: прямо неловко. Подумаетъ еще, что вотъ, дескать, просятъ служить, утруждаютъ потому, что ничего не беретъ. Да и какъ таки такъ—ничего не брать? Это несогласно со стариной: святые апостолы—и тѣ брали, что кто подносилъ. Ты ужъ лучше тамъ раздай ихъ бѣднымъ или употреби на другое доброе дѣло, только не отказывайся. Важно, чтобы ты не вымогалъ, не запрашивалъ 20 франковъ, когда по своему состоянію я могу дать только 10.

— И мнѣ не нравятся эги новшества,—сказала старушка—сенаторша.— Это не русскій церковный духъ. Почти всѣ наши святые жили подаяніями, брали все и спаслись, и настроили монастырей, и кормили бѣдныхъ.

— Да, но святые не получали жалованья, какъ нынѣшніе священники.—возразила помѣщица—перебѣжчица. Она была известна тѣмъ, что не принадлежала собственно ни къ одному лагерю, но въ первомъ возражала такъ, какъ будто она принадлежала ко второму, а во второмъ, наоборотъ, защищала точку зрѣнія перваго лагеря, и вездѣ выражалась о себѣ не иначе, какъ «мы».

— Но вѣдь тогда и условія были другія, потребности иныя, и обстановка не та,—продолжала графиня;—прежде святые уклонялись отъ міра, но міръ самъ искалъ ихъ, приходилъ и находилъ ихъ въ пещерахъ, либо въ дуплахъ, либо въ хижинахъ на курьихъ ножкахъ,—прости Господи,—одѣтыхъ въ рубища, обутыхъ въ лапти, не мытыхъ, не чесаныхъ. и ничего! А теперь

никто ихъ не ищетъ, а даже избѣгаютъ. Если хотите, пожалуйста къ намъ,, батюшка, на журфиксъ!—вотъ что говорятъ теперь. И батюшка долженъ придти въ шелковой рясѣ, съ свѣжимъ, блестящимъ воротничкомъ, съ изящными манжетами, напомаженный и надушенный, а если онъ не сдѣлаетъ этого, скажутъ: «деревенскій попъ». Даже болѣе,—всплеснуть руками и разразятся настоящей филиппикой: «И отчего это у насъ на Руси духовенство доселѣ такъ неразвито, некультурно? Нигдѣ въ мирѣ ничего подобнаго нѣтъ. Какъ же мы можемъ подчиняться ему? Какое вліяніе они могутъ имѣть на насъ, коли они совсѣмъ другого воспитанія, другого общества, другихъ привычекъ люди?» Видите, какая теперь обстановка и какія требованія отъ священниковъ. А для того, чтобы удовлетворять этимъ требованіямъ, надо имѣть прежде всего деньги. Безъ жалованья имъ, очевидно, не обойтись, и за это ихъ зазирать не слѣдуетъ.

— Да никто ихъ не зазираетъ за это!—возразила дама перебѣжчица:—мы только говоримъ, что если у нихъ есть жалованье, то не зачѣмъ имъ брать «дополненіе» за требы.

— Но жалованье имъ дается за официальную, общественную службу—оспаривала графиня, и они не обязываются за это жалованье совершать частныя требы. А если кто хочетъ заказать панихиду или молебень, то и вознагради его за труды. Полагаю, священникъ тоже человѣкъ. Онъ нуждается также въ отдыхѣ. А иначе его можно прямо заморить. Нѣтъ, я того мнѣнія, что это не хорошо, не по старинѣ: въ старину иначе было. Въ старину...

И дамы опять вспомнили русскихъ святыхъ и апостоловъ, и всѣ изложенные выше доводы были повторены вновь до конца. Въ общемъ на этомъ журфиксѣ было рѣшено, что новшество, введенное настоятелемъ, не выдерживаетъ критики.

Черезъ два дня на журфиксѣ у генеральши Петровой собрались, главнымъ образомъ, лица второго лагеря—прогрессисты. Впрочемъ пришла и графиня Фондеваль, которая вездѣ была желанной гостьей за свои опредѣленные мнѣнія и за свое умѣніе говорить. Пришла также сенаторша и нѣкоторыя другія лица, не принадлежащія ни къ какому лагерю. Помѣщица перебѣжчица, само собою разумѣется, была тоже тутъ.

— Вы слышали новость?—сказала генеральша какъ то тор-

жественно, когда собралось достаточное число гостей.—Новый священникъ отказывается брать деньги за исповѣдь, за просфоры, за причастіе, за молебны, какъ это вамъ покажется?

— Что-жъ, это прекрасно!—Конечно, хорошо!—Великолѣпно! слышались разные голоса.

А мнѣ такъ странно это слышать,—сказала полная дама.

Почему же странно, Екатерина Ивановна? Напротивъ, мнѣ это очень нравится: вотъ онъ настоящій пастырь! возразила хозяйка.

Да я не говорю, что это худо, — уступила полная дама.— Я только хотѣла сказать, что я не знаю подобныхъ примѣровъ.

Ну, нѣтъ, не скажите!—возразила жена секретаря при миссіи,—я еще знаю одного священника также за границей въ Н. И прихожане не нахвалятся имъ!

Право, мнѣ думается, что, если что можетъ поднять наше духовенство въ глазахъ широкой публики, сказала хозяйка, такъ это прежде всего то, чтобы оно отказалось отъ этихъ частныхъ подачекъ. Онѣ только роняютъ духовенство въ глазахъ вѣрующихъ.

Позвольте, позвольте, хозяйюшка,—возразила графиня. Во первыхъ, почему же наше духовенство надо поднимать? Оно и такъ, слава Богу, стоитъ высоко. Заграничное стоитъ на высотѣ заграничной публики, столичное на высотѣ столичной, ну и деревенское на высотѣ народа. Разумѣется, если въ деревнѣ окажется помѣщикъ съ высшимъ и европейскимъ образованіемъ, то деревенскій священникъ будетъ ниже его. Но вѣдь деревенскій батюшка назначается главнымъ образомъ для народа, а не для высшаго обществ... А во—вторыхъ, продолжала она не останавливаясь, такъ что никто не могъ, вставить возраженія,—вы сказали, что наши подачки роняютъ его въ нашихъ глазахъ. почему же роняютъ? А развѣ доктора не живутъ такими же подачками, и никто не говоритъ, что этимъ они подрываютъ свой авторитетъ. А юристы? А журналисты? А люди другихъ вольныхъ профессій?

Э, позвольте, графиня,—сказала хозяйка,—доктора и священники не одно и то же: занятіе докторовъ есть ихъ ремесло, занятіе священниковъ дѣло призванія, дѣло Божіе. Ихъ нельзя сравнить между собою.

Однако и святые творили дѣло Божіе и получали за это отъ своихъ почитателей и рубли, и мѣдяки. И это не унизило же ихъ ни въ вашихъ глазахъ, ни въ глазахъ ихъ современниковъ. Надо считаться съ жизнью такою, какъ она есть теперь, въ наше время. А если мы будемъ къ настоящей жизни примѣнять монашескія требованія V и XIV вѣковъ, то куда мы зайдемъ?

Позвольте, графиня, но вы не станете же возражать, что это красиво, идеально отказываться отъ подачекъ? А если что красиво и идеально, можемъ ли мы не привѣтствовать его?— выпалила хозяйка и торжествующе посмотрѣла на гостей.

Совершенно вѣрно, Татьяна Ильинична, совершенно вѣрно! слышались голоса гостей.

Можетъ быть, оно и красиво, и идеально, я не спорю,— сказала графиня,— но мнѣ кажется что оно не согласно съ духомъ русской церкви. Такъ жили апостолы, такъ жило большинство изъ нашего духовенства, какъ бѣлаго, такъ и чернаго. И мнѣ кажется, это не только худо было, но и сближало духовенство съ народомъ, съ мірянами. Дѣло происходило семейно-просто, по братски и сердечно. Не было того равнодушія и холодности, которое воцаряется въ нашемъ государствѣ, благодаря чиновничеству и 20 числу. Поэтому, то, что красиво и идеально, взятое само по себѣ, можетъ иногда оказаться неподходящимъ, неудобнымъ, если сопоставить его съ традиціей. Такъ, вообразите, что нынѣшніе священники пожелали бы во время богослуженія замѣнить тяжелыя парчевыя, золотомъ обитыя, ризы простыми, полотняными туниками или даже сюртуками. Кажется, чего проще и современнѣе? Но поставьте вы такого священника въ сюртукъ рядомъ со старинными образами, написанными исто-во, въ дорогихъ, стариннаго письма ризахъ, и вы увидите сейчасъ же полную дисгармонію. Священникъ въ подобной обстановкѣ окажется такимъ бѣднымъ и даже жалкимъ, словно муравей, попавшій въ компанію мохнатыхъ и пышныхъ пчелъ. Отсюда мнѣ кажется, если измѣнять что въ церкви, то надо измѣнять все соотвѣтственно, либо ничего не измѣнять.

Итакъ, вы, графиня, стоите за старый порядокъ вещей?— спросила хозяйка, подводя итогъ.

— Какъ видите!

— А вы, madame Бокъ?

— Я—за новый.

— А вы, Софія Васильевна?

— За новый.

— Я тоже за новый! Я тоже за новый!.. слышались многочисленные голоса.

Вот видите ли, графиня,—большинство стоит за новый порядок,—сказала хозяйка.

— Да, а вы, полковникъ?

— Я? гдѣ большинство, тамъ и я.

Это очень мило съ вашей стороны, полковникъ, сказала довольная хозяйка. Мнѣ думается.—продолжала она, обращаясь ко всѣмъ,—что священникъ, рѣшившійся на такой шагъ, не только не заслуживаетъ порицанія, но напротивъ достоинъ всякаго уваженія и похвалы. Вѣдь это своего рода подвигъ. На него не всякій рѣшится. Очевидно, это свѣтлая личность. И мнѣ думается, чѣмъ больше появится такихъ свѣтлыхъ личностей среди нашего духовенства, тѣмъ болѣе и скорѣе разсѣется мгла, скрывающая жизнь и духовенства, и нашей церкви...

Что это за мгла, такъ и не выяснили, но такое выясненіе и не требовалось. Всѣ чувствовали, что есть какая-то мгла, и всѣ поняли, или всѣмъ казалось, что поняли, о чемъ идетъ рѣчь. Собственно говоря, всѣ эти споры велись лишь для формы, и они не затрагивали главной мысли. А эта главная не высказанная, но всѣми отлично сознававшаяся мысль была такова: у каждаго изъ нихъ за годъ останется сотня—другая франковъ въ карманѣ. Развѣ это не лучшее доказательство, что новый порядокъ вещей превосходный? чего же болѣе? И новый священникъ сталъ героемъ дня и быстро приобрѣлъ симпатіи членовъ колоніи. Такимъ образомъ, на второмъ журфиксѣ вопросъ былъ рѣшенъ въ пользу настоятеля. Постепенно къ этому мнѣнію присоединилась вся колонія. Многие высказывали даже благодарность настоятелю, рѣшившемуся на такой шагъ.

Но всякая медаль имѣетъ оборотную сторону и таковая не замедлила себя обнаружить. Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль прихожане, по обычаю, заказывали панихиды, молебны и прочія требы. Причтъ служилъ. Большинство прихожанъ чувствительно пожимало руку настоятелю, благодарило на словахъ и уходило. Лишь очень немногіе давали матеріальное вознагражденіе по

старой памяти. Настоятель пришелъ въ крайнее смущеніе. Я—тоже. Наконецъ, послѣ одного вѣнчанія, при которомъ настоятель потратилъ около 2 недѣль, выправляя брачующимся всѣ необходимые документы,—когда брачующіеся ушли, нисколько не вознаградивъ причтъ за труды, настоятель съ виноватымъ видомъ подходитъ къ псаломщику и говоритъ:

— Что это значитъ? Я вѣдь условился не брать лишь за исповѣдь, причастіе и проскомидію, но вовсе не за обычныя требы. Неужели прихожане дурно меня поняли? Итакъ мнѣ и на прислугу не хватитъ.

Должно быть, здѣсь какое-то недоразумѣніе,—сказалъ я.

Навели справки. Оказалось, дѣйствительно, что отказъ священника отъ денегъ за исповѣдь и причастіе прихожане почему-то поняли въ болѣе широкомъ смыслѣ; что онъ не намѣренъ брать вознагражденіе за всѣ вообще мелкія службы. Пришлось настоятелю черезъ довѣренныхъ лицъ разъяснить колоніи истинный смыслъ предпринятой реформы. Однако, прихожане обидѣлись: они уже успѣли свыкнуться съ мыслью, что усвоенный ими новый порядокъ вещей есть настоящій, должный порядокъ, и теперь посмотрѣли на разъясненіе, какъ на нарушеніе своихъ правъ. Послѣ этого требы значительно сократились; и въ теченіе по крайней мѣрѣ полугода оплачивались чрезвычайно скудно*).

На этомъ и закончилась, наша бесѣда съ Е. С. Швидченко.

Священникъ А. Введенскій никакихъ комментаріевъ не даетъ разговору, не будемъ давать ихъ и мы.

В. Курдиновскій.

*) Болѣе пространно объ этомъ см. въ кн. Швидченко: „Какъ я пошелъ, въ народъ“, по которой отчасти и воспроизведенъ священникомъ А. Введенскимъ приведенный разговоръ.

Молдавское церковно-богослужебное книгопечатаніе въ основныхъ моментахъ его исторіи.

(Продолженіе).

II.

Въ правленіе господарей Матѳея Бассараба (1633—1654) въ Валахіи Василя Лупула (1634—1653) въ Молдавіи—начинается новый періодъ молдавскаго книгопечатанія. Теперь оно переносится уже и въ княжества. Книгопечатное дѣло въ княжествахъ выросло съ одной стороны изъ трансильванскаго, а съ другой—изъ южно-русскаго вліянія—послѣ занятія кievской митрополичьей кафедрѣ молдавскимъ воеводичемъ Петромъ Могилой. Послѣдній вообще принималъ большое участіе въ церковныхъ судьбахъ своихъ единоплеменниковъ. Основаніе первой румынской типографіи по эту сторону Карпатъ также не обошлось безъ его помощи.

Непосредственный же толчокъ къ возникновенію потребности въ книгопечатаніи въ предѣлахъ молдавскихъ господарствъ былъ данъ слѣдующими обстоятельствами.

При могущественномъ Георгіи Ракоци трансильванскіе мадьяры-кальвинисты взяли рѣшительный перевѣсъ надъ нѣмцами-лютеранами и стали упорно стремиться къ религіозному порабощенію подвластныхъ имъ православныхъ румынъ. Наступило, такимъ образомъ необычайное оживленіе типографской дѣятельности. По распоряженію Ракоци, на его средства были напечатаны по-румынски «Кальвинскій Катихизисъ», затѣмъ вторично «Новый заветъ» и «Псалтирь». Эти книги считались необходимыми для подготовки перехода румынъ въ кальвинизмъ. Въ 1643 году Ракоци издалъ указъ, которымъ повелѣвалось румынамъ и ихъ епископу въ Трансильваніи—принять и распространять кальвинскія ученія, въ области же богослуженія—бросить славянскій языкъ и замѣнить его народнымъ—ру-

мынскимъ. Многие изъ трансильванскихъ православныхъ архіереевъ, получившихъ посвященіе въ Валахіи, горячо протестовали противъ такихъ дѣйствій князя Ракоци, за что подвергались гоненіямъ.

Расцвѣтъ трансильванской книгопечатной дѣятельности этого времени, такимъ образомъ, не только носилъ рѣзко выраженную кальвинскую окраску, но и сопровождался значительными опасностями, грозившими самому существованію православной церкви у закарпатскихъ румынъ. Какъ цвѣтущее состояніе книгопечатанія, такъ и только что отмѣченное обстоятельство сыграли подготовительную роль въ дѣлѣ основанія первыхъ типографій въ княжествахъ. Прежде всего тутъ мы должны имѣть въ виду простое подражаніе. Для румынъ ихъ господарствъ, независимо отъ какихъ бы то ни было соображеній, было любопытно познакомиться съ книгопечатаніемъ на родномъ языкѣ, какъ съ новинкой, которой уже пользовались ихъ закарпатскіе собратья. Это не могло ихъ не интересовать и раньше Матѳея Бассараба и Василя Лупула. Теперь историческія условія сложились такъ, что типографіи въ Валахіи и Молдавіи *должны были быть открыты* во чтобы то ни стало. Валахія и Молдавія не могли, конечно, оставаться праздными, безучастными свидѣтельницами тѣхъ насилій, которыя творились венграми надъ совѣстью единовѣрныхъ и соплеменныхъ имъ румынъ Трансильваніи. Нужно было печатать и распространять опроверженія изданныхъ протестантами догматическихъ изложеній, чтобы спасти трансильванцевъ отъ религіознаго рабства. вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо было противопоставить кальвинскимъ изданіямъ Св. Писанія—свои, православныя, для освобожденія румынъ отъ какихъ бы то ни было обязательствъ по отношенію къ венграмъ.

Это особенно сознавалось въ Валахіи, находившейся въ непрерывномъ Церковномъ общеніи съ Трансильваніей. Внутреннія нужды церкви помимо этого настоятельнѣйшимъ образомъ требовали основанія духовныхъ типографій, гдѣ можно было бы печатать книги на языкѣ народа. Это было первой, самой неот-

ложной надобностию. Для государства молдавскія типографіи то же представлялись небезполезными: въ нихъ можно было бы печатать хотя бы своды гражданскихъ узаконеній для незнающихъ по-гречески и по славянски.

Въ Валахіи немало содѣйствовалъ введенію молдавскаго книгопечатанія, Удриште (Орестъ) Настурель, придворный Матѳея Бессараба и братъ его супруги Елены. Настурель былъ красой и гордостью румынской книжной учености того времени. Онъ зналъ не только болгаро-славянскій языкъ, но также русскій и латинскій. Своимъ познаніямъ онъ давалъ широкое примѣненіе, переводя книги религіозно-нравственнаго содержанія съ одного языка на другой, а со всѣхъ вмѣстѣ—на румынскій. Любовь къ книгамъ у него была феноменальная. Всю жизнь онъ посвятилъ на ихъ приобрѣтеніе и разыскиваніе, благодаря чему оставилъ послѣ себя самую обширную и богатую въ княжествахъ бібліотеку. Вотъ этому-то Удриште Настурелу какъ-то удалось разыскать печатный кальвинскій катихизисъ на румынскомъ языкѣ. Онъ показалъ его господарю и митрополиту. Думаютъ, что это имѣло въ дѣлѣ открытія типографіи рѣшающее значеніе. Матѳеи Бессарабъ обратился къ Кіевскому митрополиту Петру Могилѣ за шрифтомъ и печатниками. Петръ Могила поспѣшилъ удовлетворить его просьбу и въ 1635 году прислалъ ему все необходимое для книгопечатнаго дѣла вмѣстѣ съ русскими печатниками.

Матѳеи помѣстилъ печатниковъ въ княжескомъ монастырѣ въ Кымпу-Лунгѣ.

Тутъ былъ изготовленъ первый рядъ печатныхъ изданій, начавшійся славянскимъ «*Молитвенникомъ*» 1635 года.

Послѣ окончанія ремонта стариннаго монастыря Говора въ округѣ Вылча, основаннаго Радю Великимъ, мастера перешли изъ Кымпу-Лунга въ эту обитель, гдѣ могли работать гораздо спокойнѣе. За «*Молитвенникомъ*» издана была *Псалтирь*—опять таки на славянскомъ языкѣ и другія славянскія богослужебныя книги. Новая типографія, такимъ образомъ, сначала взялась за удовлетвореніе богослужебныхъ нуждъ страны, печат-

тая, пока, по традиціи, славянскія книги. Чрезъ два года послѣ выхода «Молитвенника» она снова была переведена въ Кымпу-Лунгъ, а оттуда въ монастырь Дялу (Dealu), гдѣ работала княжеская книгопечатня еще раньше, въ XVI вѣкѣ. Встрѣчаются въ это время также книги, напечатанныя въ эту эпоху въ Тырговиштѣ: когда число мастеровъ увеличилось, тогда можно было уже печатать книги даже одновременно въ нѣсколькихъ монастыряхъ.

Дѣло организациі книгопечатанія было оборудовано все тѣмъ же неутомимымъ Удриште Настуреломъ. При содѣйствіи своего друга же Нектарія Пелагонійскаго, по происхожденію грека, монашествовавшего въ Кымпу-Лунгѣ, онъ помѣстилъ въ этомъ монастырѣ первыхъ русскихъ печатниковъ, присланныхъ Петромъ Моголой—Тимоеея Александровича и Ивана Глѣбковича.

При новомъ уже митрополитѣ Теофилѣ было наконецъ приступлено и къ печатанію румынскихъ книгъ. Это было въ Говорѣ, монастырѣ, выбранномъ для типографіи митрополитомъ. Монастырскій характеръ этихъ опытовъ молдавскаго книгопечатанія сказался и на содержаніи первой книги, изданной въ Говорѣ на румынскомъ языкѣ. Въ данномъ случаѣ не безъ вліянія остались и стремленія тогдашнихъ господарей Валахіи и Молдавіи къ урегулированію монастырской жизни путемъ введенія въ нее моральныхъ и юридическихъ нормъ, которыя ставили бы иноческую жизнь выше жизни мірянъ—также какъ и очень частыя въ то время въ польской Руси изданія церковно-каноническихъ постановленій, апостольскихъ правилъ, правилъ соборовъ и св. отецъ. Какъ бы то ни было, а первая книга на румынскомъ языкѣ, напечатанная при Матееѣ Бассарабѣ—именно такого содержанія. Это—Номоканонъ, по-румынски—*Правила*. Вышелъ онъ въ 1640 году, а полное названіе его гласитъ: *Правила, ачаста есте дрептъторь де лѣже, токмѣла сфинцилор Апостолй, токмите де шѣпте събоаръ, кътре ачаста ши а прѣкувіошилор пѣринцій, ынвѣцѣторилор лумій.* (Правило, тоестъ правильникъ закона, составленный св. Апостолами и семью соборами; къ этому правила и преподобныхъ

отцовъ, учителей міра). Переведенъ былъ этотъ номоканонъ для печати извѣстнымъ книжникомъ того времени Михаиломъ Моксалиемъ.

Вскорѣ послѣ этого митрополитъ Теофилъ назначилъ игуменомъ монастыря Говора Сильвестра, который былъ извѣстенъ какъ прекрасный каллиграфъ— скорописецъ или «*таха*» (таскиграфъ). Сильвестръ еще въ 1638.—39 г. перевелъ съ славянскаго языка «Евангеліе съ поученіями»— «*Казанію*», которая теперь была вполнѣ готова для печати. Въ 1642 году Удриште Настурель написалъ къ ней предисловіе, «*Казанія*» была издана въ 1644 году.

Всего лишь нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ этой большой «*Казаніи*», вышла другая, сокращенная—подъ заглавіемъ— «*Бивъцътурій песте тоате зилеле*». (*Поученія на всѣ дни*). Надъ ея переводомъ работалъ игумень Мелхиседекъ, родомъ морейскій грекъ. Эти первыя румынскія изданія въ Валахіи имѣли большое распространеніе, хотя и продавались по очень дорогой цѣнѣ. Значительное количество экземпляровъ было выслано и въ Трансильванію. Тамъ румынскія изданія произвели очень выгодное впечатлѣніе. Трансильванскій владыка Геннадій Брадъ какъ это бывало и раньше, выпросилъ у валаховъ славянскій шрифтъ. вмѣстѣ съ шрифтомъ въ Трансильванію прибылъ и печатникъ «попа Добре». Въ связи съ господствовавшими въ то время кальвинскими тенденціями—Геннадій задумалъ второе изданіе «*Казаніи*», напечатанной раньше въ Брашовѣ. Это второе изданіе вышло въ свѣтъ въ 1640 году, раньше его смерти.

Волошской типографіей не преминулъ воспользоваться Ракоци для своихъ кальвинизаторскихъ цѣлей. У него были свои планы религіозной пропаганды между венгерскими подданными—румынами. Прежде всего надо было напечатать по румынски три книги: утреннія и вечернія молитвы, псалмы и кальвинскій катихизисъ. Послѣднія двѣ книги были переведены на молдавскій языкъ кальвинскимъ проповѣдникомъ въ Лугошѣ и Каранабешѣ омадьярившимся румыномъ Стефаномъ Фогараши или Фогарашскимъ. Большого распространенія эти книги не имѣли; изъ нихъ

былъ напечатанъ только катихизисъ и то лишь въ 1648 году. Тѣмъ временемъ венгры завладѣли печатникомъ Добре безъ вѣдома православнаго епископа Трансильваніи, помѣстили его въ Присакъ около трансильванскаго Бѣлграда и заставили въ двадцать дней, съ 5 по 25 іюля, напечатать другой кальвинскій катихизисъ, который правительство распространило повсюду между закарпатскими румынами и переслало даже и въ княжества.

Кальвинская пропаганда, все болѣе и болѣе атаковавшая не только трансильванскихъ румынъ, но и жителей Валахіи и Молдавіи, не могла пройти для послѣднихъ, какъ явленіе совершенно безразличное. Кальвинизмъ былъ тѣсно связанъ съ такимъ культурнымъ фактомъ, какъ національное книгопечатаніе. Помимо этого, онъ тогда тревожилъ не только Валахію съ Молдавіей, но и весь православный востокъ. Симптомы были слишкомъ грозны, чтобы православной іерархіи можно было оставаться равнодушной. Подоспѣло какъ разъ дѣло Кирилла Лукариса. Если въ XVI вѣкѣ первыя молдавскія книги съ кальвинскими тенденціями вовсе не встрѣчали протеста со стороны румынскихъ іерарховъ, то теперь этого не могло быть. Во всѣхъ православныхъ странахъ настроеніе было полемическое. Такъ должно было быть и въ княжествахъ, гдѣ наконецъ нашлись люди, способные къ отраженію кальвинизма.

Однако— не въ Валахіи. Въ этомъ дѣлѣ ей приходится уступить первенство Молдавіи, которая, находясь подъ постояннымъ вліяніемъ кіевской и польской учености, естественно скорѣе могла быть въ курсѣ всякихъ богословскихъ споровъ. Выдающихся, крупныхъ личностей въ духовномъ мірѣ Валахіи описываемой эпохи—не имѣетъ. Кроткій митрополитъ Теофилъ не обладалъ знаніями, достаточными для догматическихъ диспутовъ; остальные іерархи не были ученѣе его: на румынской кафедрѣ сидѣлъ Игнатій, никопольскій сербъ, не блиставшій особенной образованностью, а Стефанъ Бузеускій не очень любилъ задумываться надъ волновавшими церковь вопросами современности.

Очередь оставалась за Молдавіей. Подъемъ культурной жизни въ этой странѣ, совпавшій съ временемъ правленія Васи-

лія Лупула, былъ очень высокъ. Она какъ разъ была готова для борьбы съ кальвинизмомъ. Для этой борьбы среди ея духовенства были достойные и талантливые люди. Не доставало ей только типографій, заведеніе которыхъ теперь было насущной потребностью этого боевого момента. Указанныя обстоятельства подготовили почву для организаціи книгопечатнаго дѣла и выдвинули молдавскаго митрополита Варлаама, сподвижника Василя Лупула и виднаго дѣятеля молдавскаго книгопечатанія его времени.

Митрополитъ Варлаамъ происходилъ изъ округа Путна въ Молдавіи. Родился онъ въ крестьянской семьѣ. Достигнувъ совершеннолѣтія, онъ раздѣлилъ свое имущество между племянниками, а самъ удалился въ монастырь Секуль, игуменомъ котораго онъ сталъ въ 1610 году. Въ 1621 году онъ отправился въ Кіевъ, къ Петру Могилѣ, чтобы сообщить ему о чудѣ, случившемся въ этомъ году съ мощами св. Іоанна Новаго въ монастырѣ Сучевицѣ: когда митрополитъ Анастасій Кришка хотѣлъ перенести мощи въ другое мѣсто, страшась казацкихъ набѣговъ, рака оказалась настолько тяжелой, что ея нельзя было сдвинуть съ мѣста. Въ Кіевѣ, какъ полагаютъ, Варлаамъ пробылъ нѣкоторое время съ цѣлью подготовленія подъ руководствомъ Петра Могилы къ будущему іерархическому служенію. Надо было обладать особенными душевными качествами и учеными достоинствами, чтобы, подобно Варлааму, сразу послѣ этого занять митрополичью кафедру, не побывавъ, вопреки обычаю, предварительно на епископіяхъ Гушской, Радоуцкой и Романской. Хиротонія Варлаама имѣла мѣсто 23 сентября 1632 года.

Вскорѣ послѣ этого на молдавскій престолъ вступилъ Василій Лупуль, человекъ очень просвѣщенный и любившій просвѣщеніе, знакомый съ древне греческимъ языкомъ и его литературой и ничего не жалѣвшій для удовлетворенія личнаго честолюбія. Съ такимъ господаремъ Варлаамъ могъ сдѣлать очень много для молдавской церковной культуры. Первой мыслью Василя Лупула была мысль о школѣ по образцу школы Кіево-Братскаго монастыря и о типографіи. Для своей школы онъ

получилъ отъ Петра Могилы—ректора бывшаго Кіево-Братскаго—іеромонаха Софронія Почацкаго вмѣстѣ съ нѣсколькими учителями. Тѣмъ временемъ Варлаамъ уже серьезно думалъ объ устройствѣ типографіи.

Въ январѣ 1641 году Василій Лупуль, обратившійся еще раньше съ просьбой о присылкѣ шрифта къ монахамъ Львовскаго братства, получилъ отъ нихъ въ отвѣтъ обѣщаніе выслать шрифтъ по отлитіи его и предложеніе содѣйствія въ задуманномъ имъ дѣлѣ. За нужнымъ матеріаломъ отправился во Львовъ самъ Софроній Почацкій. Принятый тамъ не особенно радушно—изъ конфессіональныхъ соображеній въ братствѣ къ Кіевскимъ ученымъ относились съ недружелюбіемъ—онъ все-таки привезъ все необходимое для печатанія. Новооткрытая типографія, помещенная въ Яссахъ у «Трехъ Іерарховъ», сейчасъ же стала работать. Послѣдовавшій за ея открытіемъ Ясскій соборъ, вызванный противокальвинскимъ движеніемъ въ православной церкви, подалъ поводъ къ первымъ ея изданіямъ. На этомъ соборѣ (11 марта—9 декабря 1642 г.) было отвергнуто «Исповѣданіе» Кирилла Лукариса и окончательно одобрено «Православное Исповѣданіе» Петра Могилы. 20 декабря 1642 года, въ результатѣ разсужденій на соборѣ, въ типографіи «Трехъ іерарховъ» была напечатана по-гречески грамота константинопольскаго патріарха Порѣенія, осуждавшая члены кальвинскаго катихизиса Лукариса.

Митрополитъ Варлаамъ принялся за книгопечатное дѣло. У него было уже много готовыхъ для печати переводовъ, сдѣланныхъ имъ еще въ бытность его монахомъ монастыря Секуль.

Въ тѣ времена языкъ народа начиналъ завоевывать себѣ все больше и больше правъ въ княжествахъ. Уже очень давно допущенный къ церковно-богослужебному употребленію,—онъ начиналъ теперь проникать даже въ государственные акты, суды и канцеляріи. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ все болѣе и болѣе совершенствовался въ литературномъ отношеніи. Ко времени открытія типографіи Василя Лупула въ Молдавіи накопились уже достаточное количество очень хорошихъ переводовъ, которые нисколько не походили на примитивно грубые австрійскіе пере-

воды древнѣйшаго періода молдавской письменности, и отличались значительной обработностью стиля. Встрѣчались и оригинальныя сочиненія на молдавскомъ языкѣ—большею частью надгробныя проповѣди и рѣчи. Все это ожидало печати.

Какъ уже указывалось, въ 1642 году въ Говорѣ, въ Валахи вышла «Казанія» Сильвестра. Еще въ 1640 году въ трансильванскомъ Бѣлоградѣ была напечатана тоже «Казанія». Въ первой изъ нихъ Варлаамъ могъ видѣть книгу, которою имѣли полное право гордиться валахи и которой совсѣмъ не было въ Молдавіи, во второй—средство для распространенія кальвинскихъ идей. Между тѣмъ у самаго Варлаама, православнаго митрополита Молдавіи, была своя «Казанія», совершенно новая, переведенная имъ съ славянскихъ оригиналовъ, по нѣсколькимъ учительнымъ евангеліямъ и составленная, какъ онъ выражается: «изъ всѣхъ толковниковъ Евангелія, учителей нашей церкви». «Казанія» Варлаама трудъ замѣчательный въ смыслѣ чистоты и гибкости языка. До Варлаама мы совершенно не встрѣчаемъ рукописей и книгъ, написанныхъ такимъ образнымъ, колоритнымъ стилемъ. Такъ могъ писать въ ту эпоху только челоуѣкъ, добрую часть жизни проведеній среди крестьянъ и монаховъ, вышедшихъ изъ крестьянъ. Варлаамъ напечаталъ свою «Казанію» въ 1643 году, крупнымъ, жирнымъ шрифтомъ съ множествомъ виньетокъ, а иногда и съ иллюстраціями въ текстѣ. Заглавіе палъ ей такое: *«Карте румынскъ де ынвѣцътуръ Думинчеле престе ан ши ла празничеле ымпърътешитъ ши ла сфинцъ маръ, тълмъчитъ дин лимба ромынскъ. («Румынская книга поученій въ воскресные дни года, въ господскіе праздники и (въ дни) великихъ святыхъ, переведенная съ славянскаго языка на румынскій»).*

Книга Варлаама, разошлась не только по Молдавіи. Ее и до настоящаго времени находятъ въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ румынской Трансильваніи.

Несомнѣнно, огромный интересъ вызвала она и среди валашскихъ книжниковъ, побудивъ ихъ къ удачнымъ подражаніямъ изъ соревнованія.

Въ 1644 году, послѣ войны Василя Лупула съ Матѳеемъ Бассарабомъ, митрополитъ Варлаамъ предпринялъ путешествіе въ Тырговиште во главѣ молдавскаго посольства—для переговоровъ о мирѣ.

Во время этого путешествія онъ познакомился съ Угровлахійскимъ митрополитомъ Теофиломъ, своимъ единомышленникомъ и тоже дѣятелемъ юнаго румынскаго книгопечатанія. Теофиль, вѣроятно, попросилъ у Варлаама разрѣшенія прибавить къ валашской «*Казаніи*» житія святыхъ и благочестивыя наставленія содержавшіяся въ Варлаамовой «*Книгѣ поученій*». Конечно, Варлаамъ охотно далъ это разрѣшеніе. Такимъ образомъ получилась вторая «*Казанія*», напечатанная въ Говорѣ¹⁹⁾.

На очереди у Варлаама давно уже стоялъ вопросъ о литературной борьбѣ съ разроставшимся кальвинизмомъ. Сведя въ Валахіи знакомство съ такимъ ученымъ, какъ Удриште Настурель, Варлаамъ рѣшилъ воспользоваться его обществомъ для того, чтобы провести въ жизнь свою идею. Теперь, послѣ ясскаго собора опроверженіе кальвинизма большихъ трудностей уже не представляло. Нужно было только согласіе епископовъ Молдавіи и Валахіи. Получивъ это согласіе, Варлаамъ составилъ «отвѣты» на найденный имъ кальвинскій катихизисъ,—которые были напечатаны въ Яссахъ въ 1645 году. Въ этихъ отвѣтахъ защищаются единобрачіе священниковъ, иконопочитаніе, отвергаемая кальвинистами таинства и т. д. и безъ пощады обличаются еретики, которые, по Варлааму, во многихъ отношеніяхъ хуже «язычниковъ»—турокъ и татаръ.

Послѣ своей «*Казаніи*», Варлаамъ въ 1644 году издалъ книгу *Шъпте тайне а Бестричій* (Семь таинствъ церкви). Книга была переведена съ греческаго ученымъ молдавскимъ бояриномъ Евстратіемъ или, какъ онъ подписывался, Истратіемъ. Была приурочена тоже къ борьбѣ съ кальвинизмомъ: цѣль ея изданія заключалась въ томъ, чтобы дать молдавскимъ священникамъ и боярамъ элементарныя свѣдѣнія изъ догматическаго

¹⁹⁾ N. Iorga. „Istoria bisencii romanesti si a vietii religioase a romanilor, volt p. 320.

ученія православной церкви о таинствахъ, которое такъ любили искажать кальвинисты. Другая молдавская книга издана митрополитомъ Варлаамомъ въ подражаніе валашскому номоканону. Молдавскій номоканонъ Варлаама переведенъ тѣмъ же Истра-тіемъ и выпущенъ въ 1648 году подъ заглавіемъ «*Карте румынскъ де ынвѣцътуръ дела правилеле ынпърътещй ши дела алте жудъце*». («Румынская книга поученій отъ царскихъ правилъ и другихъ законовъ»).

Номоканонъ Евстратія не остался безъ вліянія на молдавскую церковь. 24 февраля 1649 года онъ вызвалъ новый сводъ узаконеній, касающихся жизни клира и въ частности архіереевъ. Эти узаконенія являются дополненіемъ къ изданнымъ нѣсколько раньше, при господарѣ Миронѣ Барновскомъ, правиламъ, имѣющимъ цѣлью урегулированіе монастырской жизни.

Мы видимъ, что и Матѳеѣй Бассарабъ, и Василій Лупуль, уступивъ требованіямъ времени и заведя у себя національныя типографіи, въ самомъ выборѣ печатанныхъ книгъ все же остаются вѣрными тѣмъ традиціямъ иноязычія, которыя они унаслѣдовали отъ предковъ. Валашскій господарь начинаетъ свое печатное дѣло славянской книгой, молдавскій—греческимъ декретомъ Константинопольскаго патріарха. Сознавъ важность народнаго языка для церкви и государства, они какъ будто опасаются порвать связи со славянскимъ языкомъ, который такъ долге обслуживалъ государственную и церковную жизнь румынскихъ княжествъ и сразу—ввести повсюду языкъ народа, который они въ глубинѣ души, конечно, продолжали считать грубымъ и не культурнымъ. хотя и издавна привыкли слушать на немъ пѣніе антифоновъ на лѣвомъ клиросѣ¹¹⁾.

Свящ А. Матвѣевичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹¹⁾ Объ этомъ свидѣтельствуесть Павелъ Алеппскій который говоритъ, что при Матѳеѣѣ Бассарабѣ въ Валахіи и при Василіи Лупуль въ Молдавіи въ господарскихъ церквахъ Яссъ и Тырговиште на лѣвомъ клиросѣ пѣли по молдавски. „*Calotaria archidiaconului Paul de Alepo prin Moldova si Muntnia intre anii 1652—1660 Archivaistor a Romniei t. I. prt. 2., p. 70, 98—100.*

на свои священныя рамена тяжелое бремя обезпеченія сиротъ русскихъ воиновъ, доблестно положившихъ свою жизнь на защиту престола и отечества отъ нашествія враговъ Россіи.

Идеальный архипастырь въ малое время очень многое и полезное сдѣлалъ для Бессарабскаго края и нынѣ на тѣхъ началахъ, которыя были выработаны сначала въ глубинѣ души милостивѣйшаго Владыки, а потомъ обнародованы были въ святительскомъ воззваніи къ пастырямъ и пасомымъ Бессарабской паствы, строить Сиротскій Пріютъ, который, по справедливости, и долженъ быть названъ: «Платоновскимъ».

И мы, пастыри, движимые чувствомъ любви къ любвеобильному апостолу Бессарабіи, Высокопреосвященнѣйшему архіепископу Платону, и чувствомъ состраданія къ нашимъ героямъ-воинамъ, души своя полагающимъ за насъ на полѣ брани и руководимые святительскимъ примѣромъ и указаніями мудрѣйшаго архипастыря, какъ трудолюбивыя пчелы всѣми силами работая на нивѣ Христа Бога, энергично будемъ сѣять святое сѣмя, еже есть слово Божіе, которое смягчитъ, оживитъ и откроетъ мертвыя, очерствѣлыя и замкнутыя людскія сердца, изъ коихъ потекутъ обильныя жертвы и, такимъ образомъ, найдемъ средства, необходимыя для святого дѣла, тамъ, гдѣ не ожидали, ибо, какъ видно изъ журнала: «Епархіальныя Вѣдомости», многіе пастыри успѣли уже собрать обильныя жертвы на постройку дома жизни, въ коемъ наши дорогіе увѣчные воины и сироты воиновъ, павшихъ въ бою, найдутъ кровъ и отдыхъ, материнскую ласку и воспитаніе въ духѣ церковномъ, утѣшеніе, пищу и тѣлесную, и духовную.

И такъ, самое трудное что было въ этомъ великомъ дѣлѣ, мы уже одолѣли: отовсюду идутъ добрыя вѣсти объ успѣхахъ ктиторскаго сбора. Если будемъ сознательно, дружно, рѣшительно, настойчиво и любовью дѣйствовать, другъ-другу помогать, другъ друга поддерживать, мы, исполняя законъ Христовъ, я увѣренъ, соберемъ миллионную сумму денегъ, такъ необходимую теперь же для постройки Сиротскаго Пріюта, или, какъ выразился уважаемый о. Іеремія Чеканъ, сельско-хозяйственной народной академіи, этого богоугоднаго, благотворительнаго, религіозно-нравственнаго и воспитательно—учебнаго заведенія, свѣтъ котораго просвѣтитъ нашъ темный Бессарабскій край и на

вѣчныя времена послужить живымъ памятникомъ для грядущихъ родовъ.

Священникъ Іоаннъ Поклитарь.

Библіографическія замѣтки о книгѣ

«Христіанскіе праздники» (Кн. 1. Рождество Пресвятыя Богородицы. Изданіе журнала „Проповѣдническій листокъ“ подъ редакціей проф. М. Скобаллановича. Кіевъ 1915 г. ц. 60 коп. съ пересылкой).

Стыдно признаться, что мы, русскіе, вѣками исповѣдуя православіе, празднуя большіе и малые праздники, Господни, Богородичные и святыхъ Божіихъ, знаемъ ихъ, въ большинствѣ случаевъ, лишь съ той стороны, что это дни отдыха отъ повседневныхъ работъ, и очень мало знаемъ исторію праздника, его важность для насъ, для нашего спасенія, для нашей вѣчной жизни, для нашего въ Богѣ пребыванія,—въ тѣхъ обителяхъ Божіихъ, кои отъ вѣка уготованы угодникамъ Божіимъ.

Правду сказать, да гдѣ же и поучиться православному русскому человѣку о смыслѣ и значеніи праздника, если не въ церкви? А въ церкви, т. е. въ храмѣ Божіемъ поютъ и читаютъ по-славянски, многимъ и очень многимъ маловразумительно потому что мало среди простого и даже интеллигентнаго класса найдется русскихъ людей, которые съ полнымъ правомъ могли бы сказать, что они все читаемое и воспѣваемое въ церкви понимаютъ.

Вотъ почему мы громко заявляемъ, что съ восторгомъ встрѣчаемъ появленіе «Христіанскихъ праздниковъ», изданіе журнала «Проповѣдническій Листокъ», ибо это изданіе не только сообщаетъ свѣдѣнія о праздникахъ, даетъ исторію праздника, отмѣчаетъ уставныя особенности службы,—но, что важнѣе всего, даетъ самую службу праздника, стихиры, пареміи, тропари, кондаки, ирмосы и т. д., т. е. все то, что составляетъ *содержаніе* службы праздничной, и не только на славянскомъ языкѣ, а и на *русскомъ*.

Этимъ положено начало громадному дѣлу, — переводу богослуженія на русскій языкъ.

Великій русскій языкъ, языкъ громаднаго государства, призывается нынѣ на смѣну славянскаго языка, воспитавшаго славянскіе природы, приведшаго ихъ нѣкогда къ истинному Богу. Теперь русскій языкъ долженъ воспитать въ законѣ Божіемъ, въ законѣ православной церкви всѣ народы, населяющіе Россію. Пусть всѣ народы Россіи услышатъ богослуженіе русское-православное, узнаютъ высоту его духовнаго содержанія и пріобшата къ нему. Русскому языку пора сослужить народамъ Россіи великую миссіонерскую службу, какую всему славянству сослужилъ славянскій языкъ.

Въ частности, первый выпускъ «Христіанскихъ праздниковъ», дающій анализъ службы праздника Рождество Пресвятыя Богородицы, отличаясь съ внѣшней и внутренней стороны достаточной разработанностью отдѣловъ, красотой и простотой перевода текстовъ на русскій языкъ, обстоятельностью комментариевъ къ службѣ, — еще имѣетъ и замѣчательное приложение: «Служба праздника у католиковъ».

Эта параллель даетъ возможность оцѣнить преимущественныя красоты православнаго богослуженія предъ католическимъ.

Единственно, о чемъ намъ лично приходится пожалѣть, что не всегда въ книгѣ указаны, такъ сказать, первоисточники (напр., для біографіи родителей Богоматери и самой Богоматери не упомянуто апокрифическое первоевангеліе Іакова, брата Господня, а названа только «Книга Дѣвы Маріи» Вега, СПб. 1912 г. составленіая на основаніи апокрифическихъ евангелій (см. 3-ю стр.).

Встрѣчаются и неизбѣжныя опечатки, напр. «анокрифическихъ» вмѣсто «апокрифическихъ». (на той же 3-й стр. въ примѣч. 1-мъ). Но мы не будемъ огорчать авторовъ изданія перечнемъ этихъ недосмотровъ, а поблагодаримъ ихъ за серьезный, высоко идейный трудъ.

Намъ лично большое утѣшеніе доставило ознакомленіе съ этимъ изданіемъ, въ которомъ авторы его ничего не забыли,

даже о напѣвахъ въ службѣ празднику Рождества Богородицы сказано вѣское и глубокопрочувствованное слово.

Да поможетъ Богъ авторамъ и редактору «Христіанскихъ праздниковъ» успѣшно довести это доброе дѣло до конца.

Василій Курдиновскій.

По поводу статьи свящ. Н. Стойкова о Кишиневской Духовной Семинаріи (см. № 34—35 сего 1915 г.).

(Письмо въ редакцію).

Статью о. Н. Стойкова «Кишиневская Духовная Семинарія въ воспоминаніяхъ ея питомцевъ» я прочелъ внимательно. Статья эта съ крайними выводами изъ полученныхъ о. Стойковымъ десятка полтора воспоминаній представляетъ собою кошмарный вызовъ всѣмъ учрежденіямъ и лицамъ, поднесшимъ къ великому дню столѣтняго юбилея семинаріи многочисленные восторженные адреса, въ которыхъ ясно было указано, что и сколько добраго сдѣлала наша семинарія за минувшее столѣтіе. Преступно было бы даже подумать, что всѣ эти учрежденія и лица возымѣли цѣлью въ поднесенныхъ ими адресахъ польстить нашей семинаріи къ великому дню ея юбилея... Несомнѣнно, всѣ они въ своихъ адресахъ отъ искренняго сердца изложили одну только сущую о нашей семинаріи правду.

Но, помимо этого, самые авторы, пославшіе о. Стойкову свои воспоминанія, прочитавъ сдѣланное послѣднимъ свое резюме, несомнѣнно, за исключеніемъ двухъ—трехъ (воспоминателя 1891 и двухъ 1897 г.), будутъ въ крайнемъ недоумѣніи: „откуда онъ вывелъ такое скверное заключеніе изъ моего письма!...“

«Здѣсь, я этого совершенно не думалъ говорить!...»

Вотъ дословное заявленіе двухъ третей всѣхъ воспомина-телей: «Не могу вспомнить дорогую семинарію безъ особаго сердечнаго восторга!» (Восп. 1889 г.). «О семинаріи остались во мнѣ самыя свѣтлыя воспоминанія. До сихъ поръ храню къ семинаріи чувства благодарности за то, что она заложила во

мнѣ твердый нравственный фундаментъ, на которомъ я могу успешно продолжать свое самообразование и самовоспитаніе» (восп. 1891 г.). «Чувства, съ которыми я оставилъ семинарію можно охарактеризовать такъ: благодарное воспоминаніе. Я вышелъ изъ семинаріи съ твердымъ фундаментомъ въ душѣ» (восп. 1898 г.). «Курсомъ я вполне доволенъ; укладъ семинарской жизни въ общемъ мнѣ нравился. Отношенія администраціи къ ученикамъ были просты и искренни. Преподавательскій персоналъ въ общемъ были люди честные, работающіе, своимъ дѣломъ занимались усердно и предметы понимали» (восп. 1900 г.). «Годы пребыванія въ семинаріи оставили во мнѣ самыя свѣтлыя воспоминанія, а добытыя подъ руководствомъ нѣкоторыхъ чуткихъ и убѣжденныхъ преподавателей основа жизни и міровоззрѣніе и до сихъ поръ являются для меня тѣмъ свѣтлымъ маякомъ, который въ трудныя минуты жизни направляетъ мою мысль и волю по ярко освѣщенному пути» (восп. 1904 г.). «Семинарія оставила во мнѣ самыя пріятныя воспоминанія, а какъ разсадникъ просвѣщенія оставила воспоминанія менѣе пріятныя, хотя далеко не тяжелыя» (восп. 1905 г.). «Исключая событія, бывшія во время беспорядковъ (1907—8 г.), родная семинарія въ общемъ оставила во мнѣ на всю жизнь хорошія воспоминанія» (восп. 1910 г.). «Я такъ сблизился и сроднился съ семинаріей и относился съ такимъ уваженіемъ къ преподавателямъ ея, что всегда съ пріятностью и признательностью вспоминаю о родной семинаріи, благовоспитавшей меня, и о преподавателяхъ ея, давшихъ мнѣ назидательные уроки нравственности, религіозныхъ убѣжденій и житейскаго опыта» (восп. 1875 г.). И т. д...

Вотъ общіе выводы самихъ авторовъ воспоминаній! Касаясь же частныхъ, они, конечно, видѣли и нѣкоторыя аномаліи. Но, развѣ есть на грѣшной землѣ такое благое учрежденіе, или такое учебное заведеніе, гдѣ бы не было нискокихъ аномалій? Не только заведенія такого нѣтъ, но даже и семьи такой не обрѣтется, въ которой бы за цѣлый рядъ лѣтъ не было ни одного печальнаго факта. И быть даже не можетъ при испорченной

грѣхомъ природѣ чловѣка... Цѣльность и совершенство—свойство небеснаго міра.

Видно, что о. Н. Стойковъ сдѣлалъ такой неожиданный выводъ не потому, что таковой слѣдовалъ изъ посылокъ авторовъ воспоминаній, а потому, что, какъ онъ самъ на стр. 828-й говоритъ, «если, несмотря на все свое нерасположеніе къ пастырству, нѣкоторые (изъ авторовъ воспоминаній) имѣли неосторожность, несмотря на все свое, повторяемъ, нерасположеніе къ пастырству, по какимъ либо соображеніямъ, или силою обстоятельствъ были вынуждены надѣть рясу, то чувства горечи и ненависти къ школѣ у такихъ съ годами не только могли не ослабѣть, а, напротивъ, усилиться, окрѣпнуть»... Что же дѣлать? Спаситель даже своею Божественною любовью не могъ развить любви въ одномъ изъ своихъ 12 апостоловъ; что же говорить о бѣдной семинаріи, выпустившей за свое столѣтнее существованіе тысячи лицъ на разныя покрисг дѣятельности?.. Несомнѣнно, среди нихъ должны быть и таковые... — Что касается самихъ авторовъ воспоминаній, то весьма печально, что они забыли въ своихъ воспоминаніяхъ надлежаще помянуть то доброе, то полезное, что дѣлала семинарія для воспитывавшагося въ ней юношества; прискорбно и то, что они такъ скоро забыли тотъ *восторгъ*, съ которымъ около 800 душъ (въ числѣ ихъ не менѣе 200 священниковъ); въ день 100-лѣтняго юбилея семинаріи, на торжественномъ актѣ, почтили семинарію и выразили вниманіе къ бывшимъ на немъ ветеранамъ ея. Заслуги Семинаріи нашей и тружениковъ ея признаны, значитъ же и участниками акта... Вообще авторы воспоминаній изложили свои воспоминанія довольно односторонне; всей семинарской жизни они дали очень слабое и нерѣдко невѣрное освѣщеніе... Это явствуетъ и изъ примѣчаній г. Цензора къ содержащемуся въ статьѣ.

Священ. Г. Нагачевскій (вып. 1895).

Епархіальная хроника.

◆ 6 сентября въ 9 ч. у. Преосвященный Епископъ Гавріиль совершилъ божественную литургію и по литургіи молебень въ кафедральномъ соборѣ, въ сослуженіи соборнаго духовенства при пѣніи архіерейскаго хора. За литургіей Преосвященный рукоположилъ окончившаго курсъ духовной семинаріи Г. Онику въ діаконы. Во время причастнаго протоіерей А. Брагуца сказалъ поученіе.

Въ тотъ же день въ 7 ч. вечера, въ архіерейскихъ покоехъ митрополіи подъ предсѣдательствомъ Высокопреосвященнаго Архіепископа Платона, состоялось собраніе Бессарабскаго Духовнаго Комитета съ участіемъ и архитектора-академика А. В. Щусьева, состоящаго при Оберъ Прокурорѣ Св. Синода.

Архитекторъ Щусьевъ доложилъ Владыкѣ Архіепископу и Комитету свои наброски мотивовъ проекта сиротскаго Пріюта въ двухъ варіаціяхъ—въ стиляхъ византійскомъ и итальянскомъ, задавшись сначала фігурой Пріюта по площади, а потомъ выясненіемъ заданій.

При этомъ Г. Щусьевъ между прочимъ объяснилъ, что въ его наброскахъ византійскій стиль интимнѣе, для небольшого монастыря, а итальянскій въ колоннахъ грандіознѣе, размахистѣе, но оба стиля требуютъ въ данномъ случаѣ росписи лучшихъ художниковъ; что онъ, при всемъ желаніи поработать для родной ему Бессарабіи, можетъ сдѣлать только чертежи и наблюсти, художественную сторону, но не исполненіе, ибо слишкомъ занятъ, строить грандіозный Рязанскій вокзалъ въ Москвѣ и многія другія крупныя сооруженія.

Слушая проектъ конкурса Кишиневскаго епархіальнаго архитектора В. Г. Купчи, А. В. Щусьевъ, сообразуясь съ заданіями Его Высокопреосвященства, рисовалъ, планировалъ, что, гдѣ и какъ строить, на примѣръ: врата, колокольню, храмъ, школу, корпуса сестеръ, общежитія дѣтей, больницу, мастерскія, гостинницу для посѣтителей, инвалидный домъ для увѣчныхъ, богадѣльню для престарѣлыхъ

священнослужителей, артезианскій колодезь, электрическую станцію, кладбище и прочее.

Заявилъ, что предприятие это миллионное, что онъ будетъ работать безкорыстно и усердно и виды пришлетъ къ ноябрю, а именно: эскизные планы, дастъ разработку плановъ, выработаетъ и детальные планы; приметъ участіе самъ и съ помощниками своими въ организаціи и засѣданіяхъ строительной комиссіи, въ контролѣ и ревизіи, въ насажденіяхъ и декораціи.

◆ 8 сентября въ 9 ч. утра, въ день Рождества Пресвятыя Богородицы Высокопреосвященный Архіепископъ Платонъ совершилъ божественную литургію и по литургіи молебень о дарованіи побѣды русскому воинству, а накануне всенощное бдѣніе въ кафедральномъ соборѣ въ сослуженіи ректора духовной семинаріи архимандрита Даміана и соборнаго духовенства при пѣніи архіерейскаго хора. Во время причастнаго протоіерей Θ. Воловей сказалъ поученіе. За литургіей Владыка Архіепископъ рукоположилъ въ пресвитера діакона Н. Гловатинскаго съ возложеніемъ на него первой священнической награды—набедренника.

На прошеніи Н. Г. Гловатинскаго объ освобожденіи его отъ должности секретаря, за поступленіемъ въ Императорскую Кіевскую Духовную Академію, Высокопреосвященнѣйшимъ Владыкой положена 1 сентября слѣдующая резолюція:

«Съ глубокимъ сожалѣніемъ расстаюсь съ Николаемъ Григорьевичемъ—своимъ дѣятельнымъ сотрудникомъ честно и умѣло исполнявшимъ свой секретарскій трудъ. Отъ всей души желаю ему отъ Бога успѣховъ въ дальнѣйшей жизни его—студенческой и потомъ пастырской».

По рукоположеніи его во іерея въ концѣ литургіи Владыка обратился къ новопоставленному съ такими приблизительно словами:

„Поздравляю тебя, возлюбленный о Господѣ собратъ, съ принятіемъ высокаго сана и желаю тебѣ быть добрымъ пастыремъ; быть добрымъ и дѣлать добро, ибо только пастырь добрый можетъ положить душу свою за овцы своя.

Быть умнымъ пастыремъ еще не значитъ быть добрымъ,

ибо умный пастырь сумѣетъ выполнить свой долгъ, но не такъ, какъ добрый...

Говорю тебѣ объ этомъ, потому что знаю, что у тебя есть задатки доброты. Мнѣ, рукоположившему тебя, будетъ пріятно слышать, что ты добрый пастырь“...

Въ тотъ-же день Преосвященный Епископъ Гавріилъ служилъ въ Курковскомъ монастырѣ, по случаю храмоваго дня монастыря, въ сослуженіи монашествующаго духовенства, при пѣніи хора монастырской братіи.

◆ 9 сентября въ 6 ч. вечера въ архіерейскихъ покоехъ митрополіи подъ предсѣдательствомъ Высокопреосвященнаго Архіепископа Платона, состоялось засѣданіе Бессарабскаго Духовнаго Комитета, обсуждавшаго доклады о текущихъ дѣлахъ и между прочимъ постановившаго; 1.) признать необходимымъ показывать переходящими по приходо-расходнымъ книгамъ церквей всѣ деньги, поступающія на Сиротскій Пріютъ; 2.) зачислить священниковъ с. Редень С. Кручереско, с. Новопокровки 3. Мануильскаго и с. Трифешть Ө. Скидула согласно ихъ ходатайству, зачислить кандидатами въ Духовный Отрядъ; 3.) поручить протоіерею с. Таракліи Т. Сикорскому выразить благодарность Комитета мѣстному раввину Хусиду за сборъ среди единовѣрцевъ 12 р. 85 к. на Сиротскій Пріютъ; 4.) по ходатайству протоіерея А. Усиневича выразить отъ имени Комитета благодарность Бендерской городской и уѣздной полиціи, принявшей дѣятельное участіе въ сборѣ 6 августа на Пріютъ.

◆ 10 сентября въ 6 ч. вечера въ серафимовскомъ епархіальномъ домѣ подъ предсѣдательствомъ Преосвященнаго Епископа Гавріила состоялось засѣданіе Совѣта Христорождественскаго Братства, обсуждавшаго доклады о текущихъ дѣлахъ и, между прочимъ, о необходимости имѣть своего бухгалтера для правильной постановки сложной отчетности по церковно-утварному складу Братства, о своевременномъ ежедневномъ открытіи склада и о перевозкѣ товаровъ въ случаѣ эвакуаціи. Присутствовали д. с. с. А. М. Пархомовичъ, д. с. с. І. М. Пархомовичъ и другіе члены Братства.

Въ тотъ-же день въ 7 ч. вечера въ архіерейскихъ по-

кояхъ митрополіи въ присутствіи Высокопреосвященнаго Архієпископа Платона состоялась спѣвка пѣвчихъ архіерейскаго хора, исполнявшихъ новыя церковныя пѣснопѣнія подъ управленіемъ священника М. Березовскаго.

Въ тотъ-же день ночнымъ поѣздомъ прибыла въ Кишиневъ новая партія раненныхъ, часть коихъ съ благословенія Высокопреосвященнаго Архієпископа Платона размѣщена въ Духовномъ Лазаретѣ.

◆ 12 сентября въ 2 ч. дня, по благословенію Высокопреосвященнѣйшаго Архієпископа Платона, состоялось перенесеніе съ вокзала на Кишиневское городское кладбище останковъ героя нынѣшней войны прапорщика запаса И. Н. Бузни, въ сопровожденіи соборнаго и кладбищенскаго духовенства при пѣніи архіерейскаго хора.

◆ 13 сентября въ 9 ч. утра, въ недѣлю 18-ю по 50-цы Преосвященный Епископъ Гавріиль совершилъ въ кафедральномъ соборѣ божественную литургію и по литургіи молебень о дарованіи побѣды русскому воинству, въ сослуженіи соборнаго духовенства при пѣніи архіерейскаго хора.

◆ 14 сентября въ 9 ч. утра, въ день Воздвиженія Честнаго и Животворящаго Креста, Высокопреосвященный Архієпископъ Платонъ совершилъ въ кафедральномъ соборѣ божественную литургію, а наканунѣ всенощное бдѣніе съ обрядомъ выноса, воздвиженія и поклоненія св. Кресту, въ сослуженіи ректора духовной семинаріи архимандрита Даміана, соборнаго духовенства и пріѣзжихъ—протоіерея К. Ерхана и священника В. Богдановича, при пѣніи архіерейскаго хора. Во время причастнаго протоіерей Θ. Кирика сказалъ поученіе. За богослуженіемъ Владыка Архієпископъ рукоположилъ во пресвитера къ церкви Единецкаго духовнаго училища діакона Д. Левицкаго, которому въ концѣ литургіи Владыка преподаль святительское наставленіе.

«Промысломъ Божіимъ,—между прочимъ говорилъ ему Владыка.— не только вручается тебѣ паства, но дается тебѣ и специальная задача сразу стать духовникомъ множества учащихся.

Этому я придаю большое значеніе.

Тебѣ ввѣряются нѣжныя дѣтскія души. Воспитай и научи ихъ дѣлать добро не только словомъ, но и дѣломъ.

Если ограничиться лишь словомъ, то уподобишься кимволу бряцающему.

Не будь самонадѣянъ и прояви плоды благодати Божіей въ тебѣ. И я думаю, что ты будешь священникомъ хорошимъ.

На пути твоёмъ будутъ и терніи,—прошу тебя: не унывай.

Еще Господомъ молю тебя,—когда будешь совершать молитвы и поминать паству, питомцевъ и всѣхъ близкихъ, будь молитвенникомъ и моимъ.

Господь да укрѣпитъ тебя».

Въ тотъ-же день Преосвященный Епископъ Гавріилъ служилъ въ Кишиневской единовѣрческой церкви.—

◆ 15 сентября въ 12 ч. дня въ архіерейскихъ покояхъ митрополіи представился Высокопреосвященному Архіепископу Платону П. Д. Овсянкинъ, состоящій въ распоряженіи главно-уполномоченнаго по устройству бѣженцевъ Юго-Западнаго фронта, а также Оберъ-Прокурора Св. Синода. Г. Овсянкинъ интересовался мѣрами Кишиневского Епархіальнаго Начальства по устройству бѣженцевъ и выработанными Епархіальнымъ Начальствомъ правилами согласованности образа своихъ дѣйствій съ дѣйствіями вѣдомствъ военнаго и гражданскаго.

Освѣдомившись о полезной дѣятельности Бессарабскаго Духовенства на военныя нужды, г. Овсянкинъ просилъ какъ можно больше популяризировать важныя о томъ въ такое время свѣдѣнія и очень жалѣлъ, что Бессарабское Духовенство такъ много сдѣлало, а въ Петроградѣ такъ мало знаютъ объ этомъ.—

Архієпископъ Платонъ у солдатъ.

7 октября въ 6 ч. вечера, Высокопреосвященный Архієпископъ Платонъ посѣтилъ учебную команду 40 запаснаго батальона въ Кишиневѣ.

У входа въ помещеніе команды Владыку встрѣчали командиръ батальона подполковникъ Н. М. Яичковъ, батальонный проповѣдникъ протоіерей В. И. Гума, батальонный священникъ іеромонахъ Николай и группа офицеровъ.

Учебная команда дружно и величественно-стройно пропѣла архіерейское „Достойно есть“ и „Исполла“, подъ прекраснымъ управленіемъ окончившаго кievскій университетъ вольноопредѣляющагося Я. Ѳ. Бычковскаго.

Владыка преподаль всѣмъ присутствующимъ архипастырское благословеніе и обратился къ нимъ съ рѣчью.

Привѣтствовавъ воиновъ, Владыка сказалъ, что только могучей русской груди свойственно такое задушевное пѣніе. „Я пришелъ сюда, — такъ приблизительно, продолжалъ Владыка — призвать на васъ Божіе благословеніе.

Вы идете на брань съ сильнымъ врагомъ и въ общей защитѣ нашей родины займетъ свое мѣсто и вашъ трудъ, къ которому вы готовитесь.

Ангель Господень пойдетъ предъ вами и ваши стези содѣлаетъ гладкими.

На великій трудный и тяжелый подвигъ вы идете — положить жизнь свою за насъ. Какихъ глубокихъ, благодарныхъ чувствъ преисполнены мы, видя васъ, защитниковъ родины отъ вражескаго нашествія германцевъ, одно имя которыхъ говоритъ, что они всегда стремились къ господству надъ другими.

Они воевали нѣкогда и съ римскимъ государствомъ, которое въ рукахъ Промысла Божія послужило широкою аре-

ною для распространения христіанства; а теперь воюють и съ потомками ихъ, нынѣшними итальянцами, которые по недоразумѣнію считали себя ихъ союзниками.

Воевали они не разъ съ французами; воевали и съ нами, русскими, которые сильно ихъ покалачивали, такъ — что намъ, русскимъ, бить нѣмца — дѣло извѣстное.

Теперь нѣмецъ, правда, не тотъ, что былъ раньше; быть можетъ, онъ подлѣе, чѣмъ былъ раньше, такъ какъ допускаетъ неслыханныя вещи насилія надъ мирными людьми, насилія надъ правдою, ужасающія кощунства: „на Голгофѣ поставили пушки“, „храмы обращаютъ въ конюшни“.

Но они вооружены по послѣднему слову техники; тяжело будетъ съ ними вести борьбу, но эта борьба будетъ доведена до конца.

Русская грудь, ваша грудь все выдержитъ, всѣ удары вынесетъ, и въ концѣ концовъ русскій кулакъ сокрушитъ нѣмецкій черепъ.

Идите, дѣти мои, на войну съ этимъ врагомъ; смѣло вступайте въ борьбу съ нимъ, и освободите Родину отъ него.

И, о, какъ счастливы мы будемъ, когда настанетъ тотъ моментъ, когда въ русской землѣ не останется нѣмцевъ!

Мы, вѣдь, всѣ знаемъ, какъ онъ постепенно завоевалъ нашу страну; какъ онъ занималъ лучшія мѣста въ Волини, въ Подоли, въ Бессарабіи, Херсонской, Екатеринославской земли, Тавриды и даже приволжскихъ степей.

Этотъ осьминогъ, это чудовище разбросало свои щупальцы по всей землѣ русской.

Щупальцы эти постепенно обрубиваются и земля русская будетъ освобождена отъ этихъ «культуръ-трегеровъ».

Господи! До чего добродушенъ нашъ русскій народъ, если сотни лѣтъ считалъ своими просвѣтителями и чуть ли не благодѣтелями несомнѣнныхъ враговъ своихъ!

Кто изъ насъ не знаетъ, кому неизвѣстны эти полныя нахальнаго самодовольства фигуры разжирѣвшаго на русскихъ хлѣбахъ и обрюзгшаго отъ пива какого нибудь Карла Ивановича или Германа Карловича? «Русская свинья» не сходила съ устъ этихъ господъ.

А теперь еще они принялись и бить насъ, принялись за опустошеніе страны нашей.

Но вы, русскіе солдаты, въ концѣ концовъ покажете имъ силу русской земли.

Не отвертится нѣмецъ отъ судьбы своей. Запросить онъ пощады, и мы пощадимъ, но только обезвредивъ себя на будущее время отъ насилій этого дикаго кровожаднаго народа.

Солдаты, дорогія дѣти мои! Идите въ бой за Родину святую, за Церковь святую, за Царя православнаго, а мы вамъ будемъ просить у Бога святой Его милости и Его мощной помощи.

Я всегда молю Бога объ окончаніи этой кровавой бойни, но только съ тѣмъ, чтобы изъ нашей земли былъ изгнанъ жестокой врагъ нѣмецъ. Дай Богъ, чтобы въ концѣ концовъ вмѣсто ружей забрали въ руки мѣлы и лопаты и вывели изъ нашей земли эту нѣмецкую нечисть.

Гоните врага отсюда и по его стопамъ ворвитесь къ нему въ его землю.

Вы увидите, какъ живутъ тамъ у себя на родинѣ эти чванливые Карлы Иванычи.

Вы не думайте, что тамъ только одно хорошее. Вѣдь, такой негодный человѣкъ, какъ современный нѣмецъ, можетъ выйти только изъ навоза.

Идите-же на свое дѣло, и Богъ вамъ въ помощь».

Командиръ представилъ Владыкѣ своего помощника, подполковн. П. В. Томова, начальника учеб. команды штабсъкапитана В. И. Данилескула и другихъ офицеровъ.

Послѣ продолжительной бесѣды съ воинами, вскорѣ отправляющимися въ школу прапорщиковъ, ученики команды, съ благословенія Владыки, показали много номеровъ военной гимнастики, продѣланной подъ аккомпанементъ военнаго оркестра, а затѣмъ пропѣли рядъ военно-патріотическихъ пѣсень.

Пѣвчихъ смѣнилъ оркестръ, исполнившій рядъ музыкальныхъ пѣсень.

Къ этому времени прибыло около 150 человекъ, вырвавшихся изъ австрійскаго плѣна и временно содержащихся въ казармѣ 40 батальона.

Владыка привѣтствовалъ и поздравилъ ихъ съ освобожденіемъ, благодаря Бога за Его милость къ нимъ и долго бесѣдовалъ съ ними, подробно разспрашивая о положеніи русскихъ военнопленныхъ въ австрійскомъ плѣну.

Плѣнные рассказывали между прочимъ, какъ австрійцы подвѣшиваютъ провинившихся нашихъ плѣнныхъ на 2 часа или заковываютъ на нѣсколько недѣль.

Возвращайтесь, — сказалъ имъ Владыка — въ свои полки и работайте.

За вашъ геройскій подвигъ, бѣгство изъ плѣна безъ куска хлѣба въ теченіе двухъ недѣль честь вамъ и слава отъ родины.

Дай Богъ вамъ еще трудиться!

Въ концѣ Владыка промноголѣтствовалъ Государю Императору; его слова были подхвачены кликами „ура“ и исполненіемъ Народнаго Гимна.

Между плѣнными оказался одинъ сербъ, выдающагося роста, бѣжавшій съ нашими плѣнными.

Побесѣдовавъ съ сербомъ, Владыка провозгласилъ сербское «живіо», а оркестръ исполнилъ сербскій народный гимнъ.

Сербъ солдатъ при этомъ прослезился.

Оркестръ исполнилъ также гимны англійскій, французскій, бельгійскій и итальянскій.

Передъ отъѣздомъ владыка благословилъ всѣхъ 700 присутствовавшихъ воиновъ, давая каждому Евангеліе и крестикъ и поблагодарилъ, сказавъ имъ на прощаніе, что онъ никогда не забудетъ духовнаго ихъ угощенія.

Посѣщеніе высокопреосвященнымъ Платономъ казармы, пребываніе его вмѣстѣ съ воинами въ теченіе 3 часовъ, отеческое обхожденіе и бесѣды съ ними оставили у всѣхъ неизгладимое впечатлѣніе.

Протоіерей В. Гума.

Извѣстія и замѣтки.

Всепоподданнѣйшій рапортъ бывшаго коменданта крѣпости Осовець

На подлинномъ рапортѣ Собственною Его Величества рукою написано „*Выражаю самую горячую благодарность всему составу — бывшему горнизону доблестнаго Осовца*“.

Вашему Императорскому Величеству всепоподданнѣйше доношу, что 9-го августа, согласно приказанія главнокомандующаго фронтомъ, крѣпость Осовець въ 10 часовъ вечера, взорвана.

Отбивъ пабѣдоносно въ 1914 году 4-х-дневный штурмъ противника, 26-го января текущаго года крѣпость начала вторую борьбу съ превосходными силами противника, до полутора корпуса численностью, и ея гарнизонъ перенесъ оборону на передовыя позиціи, начиная съ города Граева, и этимъ выигралъ время для подготовки крѣпости къ упорной оборонѣ.

Конецъ января и февраль мѣсяцы отличались особой упорной борьбой какъ пѣхотныхъ частей, такъ и крѣпост-

ной артиллеріи, которой пришлось вступить въ единоборство съ артиллеріей противника, сильнѣйшей и по дальности и по калибрамъ: до 8, 12, 16-дюймоваго включительно. Всѣ усилія сильнаго пѣхотой и артиллеріей противника разбились о доблесть гарнизона крѣпости, который съ боемъ, шагъ за шагомъ, почти всегда работая штыкомъ, отходилъ подъ защиту ея верковъ. Упорно задержавъ противника у города Граева, дер. Руда, и на Бѣлашевско-Капицкой позиціи, передовыя войска гарнизона 8-го февраля сосредоточились на Сосненской передовой позиціи и крѣпко заняли таковую. Этимъ числомъ закончился поистинѣ героическій періодъ борьбы за обладаніе впереди лежащей мѣстностью, а 9-го февраля противникъ открылъ огонь по веркамъ крѣпости и пландарму изъ 78 тяжелыхъ орудій и болѣе 100 полевыхъ, не считая автомобильныхъ батарей. Разрушительное дѣйствіе 8, 12, 16-дюймовыхъ снарядовъ было ужасно, и почти всѣ деревянные и кирпичныя постройки крѣпости имъ уничтожены, верки изрыты, а часть бетонныхъ убѣжищъ попорчена. Отражая днемъ ярое натиски противника на Сосненской позиціи и его артиллерійскій огонь на крѣпость—ночью гарнизонъ работалъ по исправленію верковъ крѣпости, чѣмъ и поддерживалъ ея обороно-способность. 18 го Марта противникъ, видя тщетность своихъ усилій сбить съ Сосненской позиціи и уничтожить нашу артиллерію, самъ перешелъ къ оборонѣ, окапавшись и заградившись и проволокой на линіи Климашевница—Бѣлашево—Цемношіе—Капиціе, а затѣмъ и увезъ въ тылъ большую часть своей артиллеріи, которая, по свѣдѣніямъ, была частью нами подбита. Съ 18-го Марта осаду крѣпости можно считать пассивной; а съ 1-го Іюля дѣйствія противника вновь оживилась, и 24-го числа имъ было предпринято штурмъ съ выпускомъ 600 баллоновъ удушливыхъ газовъ. Крѣпостной гарнизонъ, почти весь отравленный газами, сначала уступилъ свою передовую позицію вынесенную на 2 версты впередъ крѣпости, но воодушевленный начальника-

ми, штыками выбилъ противника изъ занятыхъ имъ нашихъ окоповъ и, неся ему громадныя потери, вернулъ до послѣдняго шага все захваченное. Дѣйствіе удушливыхъ газовъ было ужасающее. Смертельно поразивъ наши передовыя части, ядъ газовъ обезсилилъ защитниковъ, а вся растительность была имъ обожжена болѣе чѣмъ на 15 верстѣ. Неудачная попытка противника взять крѣпость газовымъ штурмомъ не остановила его усиліи, и, продолжая интенсивный обстрѣлъ, 26-го Іюля онъ началъ готовиться ко второму, еще большому по силѣ яда газовъ штурму; но этотъ штурмъ опоздалъ, такъ какъ съ 4-го по 6-е Августа началась предварительная эвакуація крѣпости, а 9-го, съ 3 часовъ ночи, произведена полная очистка крѣпости отъ вооруженія. Разрушеніе крѣпостныхъ сооруженій произведено полное: всѣ бетоны, копаніры и погреба взорваны; всѣ деревянные постройки крѣпости, Довнорскія казармы и Суворовскій штабъ, отстоящій отъ крѣпости на 12 верстѣ, сожжены.

Въ 11 час. ночи подъ ураганнымъ огнемъ противника гарнизонъ оставилъ крѣпость понеся незначительныя потери и, согласно приказанія, занялъ первую полевую позицію въ 13 верстахъ къ западу отъ совершенно уничтоженной крѣпости.

На основаніи изложеннаго осмѣливаюсь всеподданнѣйше доложить, что крѣпость до послѣдняго момента съ честью я свято выполнить свой, долгъ, не только отразивъ сплѣнѣйшаго врага, въ дѣйствительности протянувъ фронтъ на линіи верковъ до 60 верстѣ, считая отъ Карповичи до Бичаровской гати, и развивъ передовую Сосненскую позицію по фронту болѣе, чѣмъ на 15 верстѣ. Таково положеніе крѣпости не только позволяло выполнить прямую задачу, Высочайше предначертанную, но она и запирала громаднѣйшій промежутокъ между флангами армій, оттягивая большія силы на себя.

Несмотря на критическое положеніе въ янв., фев., іюль

и авг., неустанную днемъ и ночью упорную борьбу съ сильнѣйшимъ по численности непріателемъ, выпустившимъ по крѣпости 400.000 снарядовъ, до послѣдней минуты крѣпость обороно-способности своей не потеряла, а напротивъ усилила ее.

Всѣ 6½ мѣсяцевъ неумолчно работая ружейнымъ и артилерійскимъ огнемъ крѣпость многократно переходила въ штыки, и непріатель празильно оцѣнилъ ея силы, заплета свои окопы нѣсколькими параллелями проволоки и прибѣгнувъ къ газовому штурму, такъ какъ взятіе ея открытой силой считаю невозможнымъ.

За 6½ мѣсяцевъ осады, потерявъ отъ непріятельскаго огня многихъ защитниковъ, гарнизонъ крѣпости пріемлетъ на себя смѣлость принести клятву Вашему Императорскому Величеству, что въ дальнѣйшей своей боевой работѣ, онъ, если будетъ угодно Господу Богу, ляжетъ весь костьюми для славы Священной Особы Вашей и на гордость великой непобѣдимой родины.

Подписалъ: генераль-маіоръ Бржозовскій.

11 августа 1915 года.

(«Земщина» № 2109).

Редакторъ неофіціального отдѣла преподаватель
духовной семинаріи, статскій совѣтникъ Василій Курдиновскій.

Печатать дозволяется. Кишиневъ 11 октября 1915 года.
Наблюдающій за изданіемъ Киш. Еп. Вѣд.,
цензоръ д. ст. сов. Андрей Пархомовичъ.
